

Новелла Матвеева

Мой караван
Избранные стихотворения

Новелла Матвеева *Мой караван*

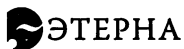

Новелла Матвеева
Мой караван

Новелла Матвеева

Мой караван

*Избранные
стихотворения*

Москва 2015

УДК 821.160.1
ББК 84-5
М33

Дизайн — Александр Зарубин

Матвеева, Новелла

М33 **Мой караван: Избранные стихотворения.** —
М.: Этерна, 2015. — 176 с.

ISBN 978-5-480-00354-3

УДК 821.160.1
ББК 84-5

*Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой-либо форме —
графической, электронной, бумажной —
без письменного согласия владельцев
авторских прав.*

ISBN 978-5-480-00354-3

© Н. Н. Матвеева, 2015
© ООО «Издательство
«Этерна», оформление,
2015

ПОЖАРНЫЙ

Жил-был пожарный в каске ярко-бронзовой,
Носил, чудак, фиалку на груди.
Ему хотелось ночью красно-розовой
Из пламени кого-нибудь спасти.

Мечта глухая жгла его и нежила:
Вот кто-то спичку выронит, и вот...
Но в том краю как раз пожаров не было, —
Там жил предусмотрительный народ.

Из-за ветвей следить любила в детстве я,
Как человек шагал на каланче.
Не то чтобы ему хотелось бедствия,
Но он грустил о чём-то... вообще.

Спала в пыли дороженька широкая,
Набат на башне каменно молчал,

А между тем горело очень многое,
Но этого никто не замечал.

1961

РЕКА

Когда одна я,
 совсем одна,
И нет меня в мире одной;
И так высоко стоит луна,
Что земля темна и при ней;
 И холодный ветер пахнет травой,
 И веки смыкаются в полусне, —
Тогда
 Является мне
 На стене
 Река
 И чёлн теневой.

А в том челне старина Гек Финн
Стоит вполуоборот;
И садится он,
 и ложится в челнок,
И плывёт, закурив, плывёт...

В лучах пароходов и городов,
На усах световых систем,
Один — одинёшенек — одинок, —
Становится точкой его челнок, —
Но не может исчезнуть — совсем...

И все
На попутных и встречных плотах
Острóты ему слышны,
И Гек прислушивается, привстав
(Они ему тоже смешны)...
Но один, один — до того один!
Да и я — до того одна!
И мысли грустные наши легки...
Ведь нет, Гек Финн, у твоей реки
Ни берегов, ни дна...

1973

Вы думали...

Вы думали, что я не знала,
Как вы мне чужды,
Когда, склоняясь, подбирала
Обломки дружбы.

Когда глядела не с упрёком,
А только с грустью,
Вы думали — я рвусь к истокам,
А я-то — к устью.

Разлукой больше не страцала.
Не обольщалась.
Вы думали, что я прощала,
А я — прощалась.

1962

ВЕТЕР

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домишек сдул крыши,
Как с молока — пену,
 И если гвоздь к дому
 Пригнать концом острым,
 Без молотка, сразу,
 Он сам войдёт в стену.

Сломал ветлу ветер,
В саду сровнял гряды —
Аж корешок редьки
Из почвы сам вылез
 И, подкатясь боком
 К соседнему саду,
 В чужую врос грядку
 И снова там вырос.

А шквал унёс в море
Десятка два шлюпок,
А рыбакам — горе, —
Не раскурить трубок,
 А раскурить надо,
 Да вот зажечь спичку —
 Как на лету взглядом
 Остановить птичку!

Какой большой ветер!
Ах! Какой вихорь!
А ты глядишь нежно,
А ты сидишь тихо,
 И никому силой
 Тебя нельзя стронуть:
 Скорей Нептун слезет
 Со своего трона.

Какой большой ветер
Напал на наш остров!
С домов сорвал крыши,
Как с молока — пену...

И если гвоздь к дому
Пригнать концом острым,
Без молотка, сразу,
Он сам уйдёт в стену.

1961

Теченье дней, шелестенье лет, —
Туман,
Ветер и дождь...
А в доме событие — страшнее нет:
Из стенки вырвали гвоздь!

Туман, и ветер, и шум дождя...
Теченье дней, шелестенье лет...
Мне было довольно, что от гвоздя
Остался маленький след.

Когда же и след от гвоздя исчез
Под кистью старого маляра, —
Мне было довольно того, что след
Гвоздя
Был виден — вчера.

Любви моей ты боялся зря, —
Не так я страшно люблю!
Мне было довольно
видеть тебя,

Встречать
Улыбку твою.

И в тёплом ветре ловить опять
То скрипок плач,
То литавров медь...
А что я с этого буду иметь?
Того тебе — не понять.

1964

* * *

Всё сказано на свете.
Не сказанного нет.
Но вечно людям светит
Не сказанного свет.

Торговец чучелами птиц
Сегодня мне приснился:
Трухой, как трубку табаком,
Он дятла набивал.
Желтела иволга в тени,
В углу орёл пылился,
И не дразнился попугай,
И соловей молчал.

Торговец чучелами птиц,
Мне твой товар наскучил:
Едва пером дотронусь я
До трепетных страниц,

Как вниз летят мои мечты
На крыльях птичьих чучел,
Когда хотели бы лететь
В зенит на крыльях птиц!

Слова... Ищу их снова.
А всё не те, не те...
Удар —
И грянет слово,
Как выстрел по мечте.

...Рисует рожицы поэт,
Круги, зигзаги чертит,
Пока покажутся слова,
Которых нет верней,
И возле сомкнутого рта
Перо в досаде вертит,
Как в темноте вертел бы ключ
У запертых дверей.

Порою шум из-за дверей
Доносится неясный,
И по ошибке этот шум
Мы песнею зовём

И утешаемся: «Пусть — шум!
Бывает шум прекрасный...
Когда деревья в час ночной
Шумят перед окном.

Нам видеть их не надо:
У слуха тот же взгляд,
А шум ночного сада
Пышней, чем самый сад».

Но сделку с музой отогнав
Затрециной немой,
Со звоном в позвоночнике,
В тяжёлой тишине,
Сижу и чайной ложечкой
Вычерпываю море,
Чтобы достать жемчужину,
Лежашую на дне.

А море?
Что ж! — мелеет...
И вот уже белеет
Сквозь воду тёмным-тёмную
Морского дна песок.

Нет,
Это ночь проходит.
Нет,
Это ночь мелеет,
И в ней белеет, как песок,
Светающий восток.

Но жемчуг мой со мною:
Жемчужницы уста
Концом ножа раскрою —
Жемчужница... пуста!

Ищу её в снотворных днях,
Ищу в ночах бессонных...
В душе космический огонь,
А на устах — зола.
О плиты творческих могил,
Бессмертьем раскалённых,
Я, может быть, не всю ладонь,
Но палец — обожгла.

И с той поры,
И с той поры
Глаза от боли жмурю...

Всего лишь палец обожгла,
А всей рукой трясу...
Я вам несу мою мечту,
Как одуванчик в бурю,
И всё боюсь: не донесу,
Боюсь, не донесу.

Всё сказано на свете:
Не сказанного нет.
Но вечно людям светит
Не сказанного свет.

1959

ОКРАИНА

Летняя ночь была

Тёплая, как зола...

Так,

незаметным шагом

До окраин я дошла.

Эти окраины

Были оправлены

Вышками вырезными,

Кружевными

Кранами.

Облики облаков.

Отблески облаков

Плавали сквозь каркасы

Недостроенных домов.

Эти дома без крыш

В белой ночной дали

В пустошь меня звали,
В грязь и глину завели.

На пустыре ночном
Светлый железный лом,
Медленно остывая,
Обдавал дневным теплом.

А эти дома без крыш
В душной ночной дали
Что-то такое знали,
Что и молвить не могли.

Из-за угла, как вор,
Вынырнул бледный двор:
Там на ветру волшебном
Танцевал бумажный сор...

А эти дома без крыш
Словно куда-то шли,
Плыли,
Как будто были
Не дома, а корабли.

Встретилась мне в пути
Между цементных волн
Кадка с какой-то краской,
Точно в тёплом море — чёлн.
 Палка-мешалка в ней
 Словно в челне весло...
 От кораблей кирпичных
 Кадку-лодку отнесло.

Было волшебно всё:
Даже бумажный сор,
Даже мешалку-палку
Вспоминаю до сих пор.
 А эти дома без крыш,
 Светлые без огня,
 Так и остались в даях,
 Недоступных для меня!

1961

АХ, КАК ДОЛГО ЕДЕМ!..

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной сьерры.
Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень серый.

Тишина. Лишь только песню
О любви поёт погонщик,
Только песню о любви поёт погонщик,
Да порой встряхнётся мул,
И колокольчики на нём,
И колокольчики на нём зальются звонче.

Ну скорей, скорей, мой мул!
Я вижу, ты совсем заснул:
Ну поспешим — застанем дома дорогую...

Ты напьёшься из ручья,
А я мешок сорву с плеча
И потреплю тебя и в морду поцелую.

Ах, как долго, долго едем!
Как трудна в горах дорога!
Чуть видны вдали хребты туманной
сьерры...

Ах, как тихо, тихо в мире!
Лишь порою из-под мула,
Прошумев, сорвётся в бездну камень
серый.

1961

КОРАБЛИК

Жил кораблик весёлый и стройный:
Над волнами как сокол парил.
Сам себя, говорят, он построил,
Сам себя, говорят, смастерил.

Сам смолою себя пропитал,
Сам оделся и в дуб и в металл,
Сам повёл себя в рейс —
Сам свой лоцман.
Сам свой боцман,
Матрос,
Капитан.

Шёл кораблик, шумел парусами,
Не боялся нигде ничего.
И вулканы седыми бровями
Поводили при виде его.

Шёл кораблик по летним морям,
Корчил рожи последним царям,
Все ли страны в цвету,
Все ль на месте, —
Всё записывал.
Всё проверял.

Раз пятнадцать, раз двадцать за сутки
С ним встречались другие суда:
Постоят, посудачат минутку
И опять побегут кто куда.

Шёл кораблик, о чём-то мечтал,
Всё, что видел, на мачты мотал,
Делал выводы сам —
Сам свой лоцман.
Сам свой боцман.
Матрос,
Капитан.

МЫ СЛЫШАЛИ СЛУХ

Мы слышали слух
о двух музыкантах,
Но слух не о двух
отдельных талантах,
Поскольку у них —
талант на двоих.

Один был трубач —
Другой барабанщик.
Один был трепач —
Другой был обманщик.
Талант на двоих,
Талант на двоих!

Расстаться они
мечтали давно,
Но чуть начинали
делить домино,
Не мог барабан
покинуть трубу:

Труба с барабаном
связала судьбу.

Один был трубач —
Другой барабанщик.

Один был трепач —
Другой был обманщик.

Талант на двоих,
Талант на двоих!

И тот и другой
любили одну:

Вдвоём к одному
приходили окну.

И первый трубил,
как будто грубил.

Второй барабанил
сильней, чем любил.

Один был трубач —
Другой барабанщик.

Один был трепач —
Другой был обманщик.

Талант на двоих,
Талант на двоих!

≈ 1960

АЛЬПИНИСТЫ

Поскорей наполним нашу,
Всё равно какую чашу:
Чашу кратера вулкана
Или чашечку цветка...

Угли звонкие раздуем,
Как-нибудь переночуем...
Нам живётся нелегко, —
Мы уходим далеко,
Мы пришли издалека.

По саваннам необъятным,
По лесам невероятным,
По плато суровых гор,
Где терновник — в сорок свор —
Обдирает нам бока...

А ущелья, — как темно в них!
Но мы сами — как терновник:
Для тернистой для тропы
На ступнях у нас шипы...
Мы пришли издалека.

Нас ошпаривала справа
Вулканическая лава,
Нас окатывало слева
Океана колесо...

Но верёвками друг друга
Мы обкручивали туго
И ползли под облака...
Мы пришли издалека.
Мы уходим далеко.

А в плащах-палатках наших
Мы походим на монахов:
Вдалеке от милых жён
Отрешённый капюшон
Надвигаем на лицо...

А под этим капюшоном,
Синим снегом опушённым,
Как стальная полоса —
Неподкупные глаза.
Мы уходим далеко.

Мы уходим далеко.
Мы уходим далеко.
Мы уходим далеко.

1961

* * *

В тиши весенней,
В тиши вечерней
Вблизи от прерий,
Вдали от гор
Стояла ферма.
Стояла ферма,
А возле фермы
Пылаа костёр.

В котле широком
Кипело что-то,
А рядом
Кто-то
Сидел — мечтал...
Котёл кипящий —
Огонь шумящий

Ему о чём-то
Напоминал.

Вот ночь настала —
Костра не стало;
Последний уголь
Погас,
Погас...
А тот, сидящий,
В огонь смотрящий, —
Он тоже скрылся,
Скрылся
Из глаз...

И мы не знаем,
Ах, мы не знаем:
Был или не был
Он на земле,
Что в тихом сердце его
Творилось
И что варилось
В его котле.

1961

ФОКУСНИК

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак!
Ты чудесен, но хватит с нас чудес.
Перестань!
Мы поверили и так
В поросёнка, упавшего с небес.

Да и вниз головой на потолке
Не сиди — не расходуй время зря!
Мы ведь верим,
Что у тебя в руке
В трубку свёрнуты страны и моря.

Не играй с носорогом в домино
И не ешь растолчённое стекло,
Но втолкуй нам, что чёрное — черно,
Растолкуй нам, что белое — бело.

А ночь над цирком
Такая, что ни зги;
Точно двести
Взятых вместе
Ночей...
А в глазах от усталости круги
Покрупнее жонглёрских обручей.

Ах ты, фокусник, фокусник-чудак,
Поджигатель бенгальского огня!
Сделай чудное чудо; сделай так,
Сделай так, чтобы поняли меня!

1961 или 1962

МОЙ КАРАВАН

Мой караван шагал через пустыню,
Мой караван шагал через пустыню,
Первый верблюд о чём-то с грустью думал,
И остальные вторили ему.

И головами так они качали,
Словно о чём-то знали, но молчали,
Словно о чём-то знали, но не знали:
Как рассказать,

когда,

зачем,

кому...

Змеи шуршали
Среди
Песка и зноя...
Что это там?

Что это там
Такое?
Белый корабль,
Снастей переплетенье,
Яркий флажок, кильватер голубой...

Из-под руки смотрю туда, моргая:
Это она!
Опять —
Фата-моргана!
Это её цветные сновиденья,
Это её театр передвижной!

Путь мой далёк.
На всём лежит истома.
Я загрустил: не шлют письма́ из дома...
«Плюй ты на всё! Учись, брат, у верблюда!» —
Скажет товарищ, хлопнув по плечу.

Я же в сердцах пошлю его к верблюду,
Я же — в сердцах — пошлю его к верблюду:
И у тебя учиться, мол, не буду,
И у верблюда — тоже не хочу.

Друг отошёл и, чтобы скрыть обиду,
Книгу достал, потрёпанную с виду,
С грязным обрезом, в пёстром переплёте, —
Книгу о том, что горе не беда...

...Право, уйду! Наймусь
К фата-моргане:
Стану шутом в волшебном балагане,
И никогда меня вы не найдёте:
Ведь от колёс волшебных нет следа.

Но караван всё шёл через пустыню,
Но караван шагал через пустыню,
Шёл караван и шёл через пустыню,
Шёл потому, что горе — не беда.

1961

ЦЫГАНКА

Развесёлые цыгане по Молдавии гуляли
И в одном селе богатом ворона коня украли.
А ещё они украли молодую молдаванку:
Посадили на полянку, воспитали как цыганку.

Навсегда она пропала

Под тенью загара!

У неё в руках гитара,

Гитара,

Гитара!

Позабыла всё, что было,

И не видит в том потери.

(Ах, вернись,

Вернись,

Вернись!

Ну, оглянись, по крайней мере!)

Мыла в речке босы ноги, в пыльный бубен

била звонко

И однажды из берлоги утащила медвежонка,
Посадила на поляну, воспитала как цыгана;
Научила бить баклушки, красть игрушки
из кармана.

С той поры про маму, папу
Забыл медвежонок:
Прижимает к сердцу лапу
И просит деньжонок!
Держит шляпу вниз тульёю...
Так живут одной семьёю,
Как хорошие соседи,
Люди, кони и медведи.

По дороге позабыли: кто украл, а кто украден.
И одна попона пыли на коне и конокраде.
Никому из них не страшен никакой недуг,
ни хворость...
По ночам поют и пляшут, на костры бросая
хворост.

А беглянка добрым людям
Проходим
Ворóжит:
Всё, что было, всё, что будет,
Расскажет,
Как может...

Что же *с ней*, беглянкой, было?
Что же *с ней*, цыганкой, будет?
Всё, что было, — позабыла.
Всё, что будет, — позабудет.

1961

Я только спою: «Дорога — мой дом», —
И дальше
 в путь
 ухожу...

Люблю я солнца первый восход,
Люблю я погоду, если тиха,
Гнездо жаворонка в жёлтых полях,
Костёр,
 костёр пастуха.

Люблю я даль с гуртами овец
И над очагами тающий дым,
Боярышника
 багряный венец
И месяц ранний над ним.

В мороз и зной
 в юдоли земной
Вижу я ночью свет без огня...
Очаг свой родной
 у каждого есть,
Но нет его у меня.

≈ 1965

* * *

...Нам хочется чудес

Великих!

Но откуда

Мы взяли, что не чудо

Хотя бы этот лес?

Хотя бы этот берег

С бегущими тенями?

Хотя бы — человек?

А именно — мы сами.

Колодец наш бездонный

Пополнен — чуть иссяк...

Мечте — и объяснённой —

Остаться в чудесах.

И после пояснений,

Кто и откуда он —

Всё той же тайной
Гений
Пребудет окружён.

1959

ИНЕЙ

На рассвете, в сумерках ледовых
Хор берёз был выше и туманней.
И стояла роща, — как Людовик, —
В сизых буклях изморози ранней.

Но опять за далями пустыми,
Красное, — как будто после бури, —
Встало солнце с мыслью о пустыне
В раскалённо-грезящем прищуре.

По коре взбирался, укреплялся
На ветвях — огонь его раскосый.
И кудрявый иней выпрямлялся,
Делался водой простоволосой.

Иней таял, даже не стараясь
Удержаться в лёгкой сетке чаши,
Уменьшаясь, точно белый страус,
Отвернувшийся и уходящий.

1970

ЛОЗЫ В ГНЕВЕ

Стремится в дол закат животворящий.
Но лозы в гнев. Рдея, плеть за плеть, —
Пошли, как трещины в стене горящей,
Как щели ада, лающе алеть.

Мне снится кардинальский, — то напевный,
То ржущий пурпур... Битвы ржавый свет...
До треска красный, пушечно-полдневный,
Владельческий, громово-алый цвет...

Предел бесстыдства на лице безбровом:
Впервые заплавшая щека
Низвергнутого в ад ростовщика.

Вельможный плащ. Клеймо на родниковом
Челе блудницы... Странно жжёт глаза
Мне в тихий вечер тихая лоза!

≈ 1970

* * *

Кто в романтику жизни не верит,
Тот не верит (нелепая туша!)
В океан, на земле занимающий
Втрое более места, чем суша!

Но и логику тот ненавидит,
Кто, упёршись копытами в берег,
Смотрит в море, — а моря не видит,
Смотрит в небо, — а в небо не верит.

1990-е гг.

ЕСЛИ ОН НАСТОЯЩИЙ...

Сатира везде, как дома,
А юмор — повсюду — мимо.
Смешное — планета Мома —
Почти неисповедимо.

Вот целая библиотека
Стихов остроумца Джека!
Ан — юмора в ней — не много.

В сатире и гнев и едкость.
А юмор... он просто — редкость.
Сатира от человека,
А юмор — всегда от Бога!

Разные годы (точнее — 1983)

* * *

Когда Вселенная открывает нам добровольно
Явления, о которых скептик твердил:

«крамольно»,

При чём тут я и чему я радуюсь так — не знаю,
Какая польза мне в том — не знаю.

Но я довольна.

1990-е гг.

ПОЗНАНИЕ

I Страх познания

Познание — скорбь. Как на огне каштан
Трещит по швам, так сердце рвётся в Хаос.
Но страх познания кончится. А там —
Опять начнётся радость, доктор Фауст!

Та радость будет высшей. Но усталость
И вековечный страх мешают вам
Из-под руин открыть бессмертный храм,
Хоть до него и дюйма не осталось.

Смертельно страшных шесть открыв дверей,
Учёный муж захлопнул их скорей,
Седьмой же — и коснуться побоялся.

А именно за ней рос чудный сад,
Где пел источник, вспыхивал гранат
И день сиял и тьмою не сменялся.

II Как это сделано?

Мир — цельным вижу я, как юноша Новалис.
Мир — песня, спетая одним движеньем уст.
На звуки разломать и песню рад анализ,
Но звук, отщепленный от песни, — дик и пуст.

Мы тайной бытия силком овладеваем,
Вопросы жуткие натуре задаём:
«Как пламя сделано?» — и пламя задуваем.
«Как песня сделана?» — и больше не поём...

Не странно ль? — тьму считать исследуемым
светом;
Возрясь на проигрыш, судить о барыше;
Взорвать — и смерть вещей потом
считать ответом
На каверзный вопрос о их живой душе,

Чтоб циник превознёс высокими словами
Труд антигениев над антивеществами.

1970-е гг.

ВНУТРИ ЗИМЫ

Глухой зимы коснеющий триумф.
Подобнокладам — реки на замке.
Вдали снегов — извозчичий трюх
Простёр крыла, как муха в молоке.

Сжимает стужа влагу в кулаке;
Прольёт ли её, пальцами тряхнув,
Весной далёкой? Ворон на суке
Сидит — ни с места. Точит серый клюв.

Внутри зимы, в пустых её сенях —
Я, ворон да извозчик на санях —
Три тени на серебряной стене.

Но от саней давно простыл и след,
А ворон так по-летнему одет,
Что — провалиться! — холодно и мне.

≈ 1977

ОШИБКИ ЗАВИСТИ

Зависть есть признание себя побеждённым.

Скрябин

Честность работает. Мудрость вопросы решает.
Зависть — одна лишь! — досуга себя не лишает.
Ах! Не трудом же назвать неустанное рвенье,
С коим она и труду и таланту мешает.

Даже завидуя гению, зависть ленива,
Даже завидуя диву труда — нерадива,
Даже завидуя доброму делу — злонаправна,
Даже завидуя правде — коварна и лжива.

Будь осторожен! Завидуя славной судьбе
Славного брата, — по скользкой же ходишь
тропе! —

Сам рассчитай, посягая на всю его славу:
Все его *подвиги* делать придется тебе.

Где та гора, что завистники встарь своротили?
Где те моря, что завистники вплавь переплыли?
Очень бы я почему-то услышать хотела
Истину ту, что завистники миру открыли!

Люди всему позавидуют, надо — не надо.
Если вы Гойя — завидуют горечи взгляда,
Если вы Данте — они восклицают: «Ещё бы!
Я и не то сочинил бы в условиях ада!»

«Хочешь ли видеть собрата простёртым у ног
Или в него самого обратиться разок?» —
Демон спросил у завистника. Но одновременно
Оба заказа — и демон исполнить не мог.

≈ 1969

* * *

Что значит «мещанин» — как следует не ясно.
Непознаваема его земная суть.
Пытаясь уловить его натуры ртуть,
Умы сильнейшие срываются напрасно.

Одно устойчиво, одно бесспорно в нём:
Всегда романтика была ему отрада!
Он — дерзостный Икар (когда лететь не надо),
Пустынный Робинзон (при обществе большом)...

В его понятия смешались воедино
Стриптиз и... Золушка. Нахрап — и цвет

жасмина.

Доспехи ратника — и низменная лесть...
О, как бы он желал безумства Дон Кихота
Безумно повторить! (Но из того расчёта,
Чтоб с этим связанных убытков не понести.)

≈ 1970

* * *

У старца немощного корку последнюю изо рта
Вырвет; злорадного даст пинка сироте

пугливой...

Но из журналов и книг он узнал, что есть

на земле... доброта.

И шумно, и много стал толковать о ней —

такой молчаливой!

О самой что ни на есть молчаливой из всех

добродетелей света

И не имеющей

(Кроме секрета молчания)

Тайны другой, другого секрета.

1970-е гг.

Кто умён — не хитёр. Кто хитёр — не умён.
От начала времён до скончанья времён
Неизменным останется вечный закон:
Кто умён — не хитёр. Кто хитёр — не умён.

≈ 1967

* * *

Скупой берёт за всё: за чувство раздраженья,
С каким он грабит вас (в порядке одолженья),
За кукиш, каковой он сам же вам подносит...
Ведь кукиш *тратится* в процессе подношенья!

≈ 1967

ТРЕПЕТНЫЕ ПНИ

Есть «люди» топора и западни,
Похожие на трепетные пни:
К другим они до тупости жестоки,
Но тронь самих — расплачутся они!

1983

* * *

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — дух,
Равнообъемлющий дух. Но поэт
Выберет главное даже из двух.

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — плоть.
Так отчего же не любит поэт
Всякую тварь, как задумал Господь?

Определенья поэзии нет.
Мы бы назвали поэзию — сном.
Что же ты в драку суёшься, поэт?
Вправе ли спящий грозить кулаком?

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что поэзия — явь.

Что же ты в драку суёшься, поэт,
Трезвому голосу яви не вняв?

Определенья поэзии нет.
Можно сказать, что в поэзии — суть.
Так отчего же — за тысячи лет —
Ей от сомнений нельзя отдохнуть?

...Есть очертанья у туч грозových,
А у любви и у музыки — нет...
Вечная тайна! Сама назовись!
Кто ты, поэзия? Дай мне ответ!

Кто ты и что ты? Явись, расскажи!
Ложь рифмоплёта тщеславия для?
Так отчего же столь горестной лжи
Тысячелетьями верит земля?

1960-е гг.

Поэт

Поэт, который тих, пока дела вершатся,
Но громок после дел, — не знает, как смешон.
Поэт не отражать, а столь же — отражаться,
Не факты воспевать, а действовать пришёл.

В хвосте истории ему не место жаться.
(По закругленьи дел — кого ожжёт глагол?!)
Он призван небом слов, как Зевс, распоряжаться.
Он двигатель идей. Он — основатель школ.

Что значит «отразил»? Скажите, Бога ради!
Поэт не озеро в кувшинковых заплатках:
Он — боль и ненависть, надежда и прогноз...

И человечество с поэтом на запятках
Подобно армии со знаменосцем сзади
И с барабанщиком, отправленным в обоз.

1960-е гг.

* * *

«Поэзия должна быть глуповата», —
Сказал поэт, умнейший на Руси.
Что значит: обладай умом Сократа,
Но поучений не произноси.

Не отражай критических атак,
Предупреждай возможность плагиата...
Поэзия должна быть глуповата,
Но сам поэт — не должен быть дурак.

1967

ПЕРЕВОДЧИК

Вильгельму Вениаминовичу Левкичу

Кто мог бы стать Рембо? Никто из нас.
И даже сам Рембо не мог бы лично
Опять родиться, стать собой вторично
И вновь создать уж созданное раз.

Всё переводчик — может. Те слова,
Что раз дались, но больше не дадутся
Бодлеру — диво! — вновь на стол кладутся.
Как?! Та минутка хрупкая жива?

И хрупкостью пробил срок столетний?
Пришла опять? К другому? Не к тому?
Та муза, чей приход (всегда — последний)
Был предназначен только одному?!

Чу! Дальний звон... Сверхтайное творится:
Сейчас неповторимость — повторится.

1970-е гг.

ОБРАТНОЕ ПРЕВРАЩЕНИЕ

Шелковистый бейт я делаю из камня.

Рудаки

«Я из камня сделал шёлковое слово», —
Некогда сказал великий Рудаки.
Да. Но он не знал, что переводчик
Снова
Сделает кирпич
Из шёлковой строки.

1967

Уют

Стихами, прозою ли, в устном разговоре —
Так модно клясть уют! И рваться наобум
(Как будто держит кто силком за фалды!)
в море,
В цунами, в ураган, в тайфун или в самум.

Но незаметно, чтобы кто-то, бросив чум,
Дворец или вертеп, — со здравым смыслом
в ссоре, —
Добром пошёл бы спать, как кошка, на заборе
И жить на площади, где вечно пыль да шум!

Да-с: все живут в домах, и дверки — на замочках.
Лишь Диоген да Гек-бродяга жили в бочках.
Но жарким очагом пренебрегал мудрец

Затем, что в Греции и так хороший климат,
А Гек не шёл домой, — боялся — плохо примут:
«У-бью!» — грозил ему подвыпивший отец.

≈ 1980

ТРЮИЗМЫ

Всё едино? Нет, не всё едино,
Пламя, например, отнюдь не льдина.
Плут о благе ближних не радеть.
А насилие — не добродетель.

Всё едино? Нет, не всё едино:
Ум — не глупость. Край — не середина.
Столб фонарный веселей простого.
Пушкин одарённее Хвостова.

Всё едино? Нет, не всё едино:
Детский самокат не гильотина.
Есть Большой, есть Маленький, есть Средний
Человек. (И Средний — есть последний!)

Всё едино? Нет, не всё едино
(И «Майн Кампф» — не шутка Насреддина);

Малый да Большой — едины станут,
Среднего — и тросом не притянут!

Всё едино? Нет, не всё едино:
Волк не голубь. Жаба не сардина.
О единстве бухенвальдской печи
С Красотой — не может быть и речи.

Всё едино? Нет, не всё едино!
Нет, не всё сжевать должна скотина;
Разобраться прежде должен гений
В некоторой разнице явлений.

Всё едино? Нет, не всё едино;
В рощах нет повторного листочка!
Потому что если «всё едино»,
Значит — «всё дозволено». И точка.

≈ 1972

СВОБОДУ МАНОЛИСУ ГЛЕЗОСУ

Свободу Манолису Глезосу!
Откройте скорее тюрьму!
Свободу Манолису Глезосу!
Верните свободу ему!

Когда, обдуваемый бедствием,
Измотанный гитлеров чуб
Упал между солнцем и Грецией, —
Смутился Манолис? Ничуть.

Алло, демосфены столетия,
Ораторы мира всего! —
Он отнял у вас красноречие,
Хотя не сказал ничего,

А взял — да и сбросил с Акрополя
Без дрожи сомненья в руках
Обмотку,

Которую проклинали
Народы на всех языках.

И, — где трепохвостила свастика, —
Он выставил вымпел другой;
При виде которого — схватится
Гречанка за сердце рукой, —

Тот милый, кто исстари грезился
Повстанцам в огне и в дыму...
Свободу Манолису Глезосу!
Отдайте свободу ему!

1959

* * *

Вокруг деревьев и домов
Стоят безветренные дни.
Мне раньше снилось много снов, —
Теперь не снятся мне они.

Но и в бессонницах порой
Народный снится мне герой,
Что в дольний мир по временам
Так запросто приходит к нам!

На протяженье лет и эр
В толпе готов ему удар.
Джон Браун был тому пример.
И Линкольн принял гибель в дар.

И Джон и Роберт обрели
Покой в довременном раю,

Чтоб за холмов грядой, вдали,
Дин Рид! — услышать песнь твою...

Рабочий класс!
Велик запас
Друзей-спасателей у нас.
Певцом Джо Хилл
Рабочим был,
Так что ж никто его не спас?

Взошел на небо Мартин Кинг,
Как голос по колоколам.
Но тем наглей, устроив ринг,
Возились крысы по углам...

Кругом деревьев и домов
Стоят безветренные дни.
Мне прежде снилось много снов, —
Не снятся больше мне они.

Но в том бессонном странном «сне»,
Где сад уснул и град уснул,

Герой народный снится мне.
И тот, кто в ров его толкнул.

Да. Вкруг заборов и ворот
Настала тишь да благодать.
Грабителей — невпроворот,
А вот героя — не видать.

Но и сквозь сон
И сквозь не-сон,
Сквозь ночи пасмурный заслон
Я снова слышу, как, порой,
По улице проходит он.

...А тот — на дальнем берегу
Стоит — и машет, машет мне...
И глаз открытъ я не могу
От слез, пролившихся во сне.

1980-е гг.

ЭДГАР ПО

Не думаю, что мрак его души чрезмерен.
Рисуя грозный цех, где сера и смола,
Он краски не стущал, а был натуре верен:
Ведь преисподняя и впрямь не весела!

Но, сам спускаясь в ад, он брал с собой, как веер,
Как нежный лёд ко лбу — прохладу ремесла...
А нам? И жар, и смрад, и — чтоб над нами реял
Весь ужас ночи! Но... поклясться бы могла,

Что это наш заказ, хоть мы не признаёмся!
А разве свой кошмар мы рассказать не рвёмся?
Как?! Разве ускользнуть позволим мы ему?!

Э, нет! Как протокол мы разбираем сказку.
И страшным снам даём такую же огласку,
Как преступлениям, свершённым наяву.

≈ 1974

О. ГЕНРИ

(ЧЕЛОВЕК И РАССКАЗЧИК)

...«Не генерал», — сказали вы о нём.

Но что чины тому, кто вечно под огнём?

Да, он — солдат пера. Но плох тот генерал,

Который быть таким солдатом не желал!

1990-е гг.

В СВОЮ ПОЛЬЗУ ДУРАК

Как радужный дурман горячего болота —
Мечты создателя рифмованных миров.
Но первый светский жест певца — уже ворота
В действительную жизнь — из царства
детских снов.

А значит — он идёт на низменное что-то —
В яснейшем разуме! А значит — он здоров,
Когда и в будний день играет идиота,
Безумца, гения, носителя даров...

Да, он «помазанник». Но больше —
для проскользу.
Дурак-то он дурак. Но — в собственную пользу.
В «нирвану» погружён, в экстаз небытия, —

Но хочется сказать: — Нирвана-то нирваной,
А ходишь, как-никак, и сытый и не рваный,
И многим не даёшь, — я слышала, — житья.

1969

* * *

В поэтах числиться и никогда заборным
Словцом не выругаться — сушья беда!
Клеймо на совести. Участье в деле чёрном.
Пятно, которому не смыться никогда.

Есть что-то пресное и штатское в отказе
Певца от «крепких» слов. Увы, но это так.
Держась пристойности, ты вроде как...
слизняк!
Иуда! Бледный клерк! (Его комками грязи

За бледность гнусную всегда мальчишки бьют!)
Ты не гусар! Ты шпак! Зануда из зануд!
Ты сухопутная, прошу прощенья, крыса!
Взлёт поэтический тебе не по плечу!

Да, знаю-знаю... Здесь моя погибель скрыта,
Но... почему-то я ругаться — *не хочу*.

1976

* * *

Мы только женщины — и, так сказать, «увы!».
А почему «увы»? Пора задеть причины.
«Вино и женщины» — так говорите вы,
Но мы не говорим: «Конфеты и мужчины».

Мы отличаем вас от кекса, от халвы,
Мы как-то чувствуем, что люди — не ветчины,
Хотя, послушать вас, лишь тем и отличимы,
Что сроду на плечах не носим головы.

«Вино и женщины»? — Последуем отсель.
О женщина, возьми поваренную книжку,
Скажи: «Люблю тебя, как ягодный кисель,
Как рыбью голову! Как заячью лодыжку!»

По сердцу ли тебе привязанность моя?
Ах, да! Ты не еда! Ты — человек! А я?»

1963

СОЛОМИНКА

Эстет и варвар вечно заодно.
Их жесты, разумеется, не схожи,
Но пить из дамской туфельки вино
И лаптем щи хлебать — одно и то же.

Эстет и варвар вечно заодно.
Издревле хаму снится чин вельможи,
Зато эстету — дева, вся в рогоже.
Дну снятся сливки, сливкам снится дно.

Усищи в бочку окунает кто-то,
А кто-то сквозь соломинку сосёт.
Но кто грубей? Кто низменнее? Тот
Или другой? Хоть поровну — почёта, —
Из бочки можно капли извлекать,
А можно сквозь соломинку — *лакать*.

1960-е гг.

КОНЕЦ АВАНТЮРИЗМА

Он, я знаю, считает себя очень
ловким, потому что поступает
подло...

Бернард Шоу (письма)

1. Сумерки грехов

Старинные багровые светила
Больших грехов склонились на закат.
Но добродетель их не заменила.
На смену — похотлив, жуликоват —
Пришёл Грешок. Но многие твердят:
«В нём — демонизм, огонь, свобода, сила...»
Что ж, повторим: столетья три назад,
Наверно, в нём и правда что-то было?

Когда он виселицы украшал,
Монастырей каноны нарушал
(По грозной схеме: Страсть. Позор. Темница...)
Но нет картины жальче и мерзей,
Когда, свободный, с помощью друзей,
Трус и пошляк над честностью глумится.

2. Крах авантюризма

Не поминай Дюма, узнав авантюриста.
Увы! Сей рыцарь пал до кухонных страстей
И ужас как далёк от царственного свиста
Над океанами терзаемых снастей.
Уж не фехтует он. Верхом в ночи не скачет.
Не шутит под огнём, на голову свою.
А трусит, мелко мстит, от ненависти плачет...
По трупам — ходит ли? О да! Но не в бою.
Неведомы ему и той морали крохи,
Что знали хитрецы напудренной эпохи:
Он даже дерзостью их вольной пренебрёг,
И наглостью берёт (нарочно спутав слово).

Ах! Добродетели падение не ново:
Новее наблюдать, как низко пал порок.

≈ 1970

МЕЧТА О НЕДРУГЕ

Не могу расстаться с вами я без боя...

«Песнь о моём Сиде»

Искать себе врагов прямых, как солнце юга,
Открытых, царственных — не велика заслуга:
Как можно требовать, дружище, от врага,
Чего не требуют обычно и от друга?

Напрасно, старина, в мечтании прелестном
Ты мыслишь о враге прямом, открытом,
честном.

Крепись! Бери его таким, каков он есть:
Злым, хищным, маленьким, тупым...
Неинтересным...

И враг же у тебя! Отвага в честном взгляде,
Лежачего не бьёт, не нападает сзади...

Послушай! Вот тебе пяток моих друзей,
Но этого врага — отдай мне, Бога ради!

Я недругу за ложь коварством не плачу,
Но нежность к недругу мне вряд ли по плечу.
Стараюсь *поступать*, как честь повелевает.
Позволь хоть *чувствовать* мне так, как я хочу!

С ним ладишь, кажется, а он грозит борьбой.
Но другом скажется, когда объявишь бой.
Ни дружбы, ни вражды, скотина, не выносит!
Нет, не таких врагов искали мы с тобой.

У деда моего был, рассказывают, враг:
В раздоре — золото, сокровище для драк:
Не сразу нападёт, а крикнет: «Защищайся!»
Никто, никто уже теперь не крикнет так!..

1967

ПОДЗЕМЕЛЬЯ

Ключи от подземелий подсознания
Звенят опять на поясе моём.
Сегодня я, заблудшее создание,
Сойду туда с коптящим фонарём.

Как воют своды в страшной анфиладе!
А впрочем, выясняется в конце,
Что все подвалы наши — на эстраде,
Все тайны, как помотришь, — на лице.

У нас и подсознание — снаружи.
Всё просто: нам получше — вам похуже,
Кот хочет сала, палки просит пёс.
Успех собрата мучит нас до слёз.

Но чтоб до истин этих доискаться,
Не стоит в преисподнюю спускаться!

≈ 1980

ДУША ВЕЩЕЙ

Люблю дома, где вещи не имущество,
Где вещи легче лодок на причале.
И не люблю вещей без преимущества
Волшебного общения с вещами.

Нет, не в тебе, очаг, твоё могущество.
Хоть весь дровами, точно рот словами,
Набейся — я и тут не обожгусь ещё,
Не будь *огня* — меж камнем и дровами.

Мне скажут: брось мечты, рисуй действительность;
Пиши как есть: сапог, подкову, грушу...
Но есть и у действительности видимость,

А я ищу под видимостью душу.
И повторяю всюду и везде:
Не в соли соль. Гвоздь тоже не в гвозде.

1960-е гг.

* * *

Не пиши, не пиши, не печатай
Хриплых книг, восславляющих плоть.
От козлиной струны волосатой
Упаси
Твою лиру
Господь!

Не записывай рык на пластинки
И не шли к отдалённой звезде,
В серебристую дымку
Инстинкты
И бурчанья в твоём животе.

Верь:
Затылок твой — круглый и плотный,
Группа крови и мускул ноги
Не предстанут зарёй путеводной
Пред лицо поколений других!

...Как волокна огнистого пуха,
Из столетья в столетье
Летят
Звёзды разума, сполохи духа,
И страницы в веках шелестят..
Но уж то, что твоя козлоноготь,
Возгордясь, разбежалась туда ж, —
Для меня беспримерная новость!
Бедный мастер!
Закинь карандаш,
Отползи поскорее к затону,
Отрасти себе жабры и хвост,
Ибо путь от Платона к планктону
И от Фидия к мидии — прост.

1960-е гг.

ГЕДОНИЗМ

Когда грустят матёрые,
Умеющие жить,
Я как-то не догадываюсь —
Что им предложить.

Пудовый ключ от Ревеля?
Большую глыбу с Альп?
Грозу в степях? Раба в цепях?
Иль собственный мой скальп?

Что делать. Мне не верится,
Что им помочь могли б
Луч солнца,
Цветик Аленький
И летний лепет лип.

1990-е гг.

* * *

Дышат снегом на флоксах росинки.
В поздних сумерках зренье теряю.
Но, взойдя на дорогу с тропинки,
Новым зрением глаза расширяю.

Лужи спят на дорогах ненастных.
А на их перламутровых бельмах —
Срезы крыш, по-вечернему ясных,
Острота чердаков корабельных.

Лунка льда — в миражи дождевые,
Как стеклянная дверца, раскрыта;
Там верёвки дрожат бельевые —
И на снасти похожи до вскрика!

...Скоро инеем станет прохлада.
Что там, в поле? Хомяк или кролик?

Или, — призрак усталого взгляда, —
Это сумерек дёрнулся промельк?

Журавлей горловая валторна
Отжурчала за снежною тучей...

Скрипка сумерек!
Спой мне повторно;
Дай мне Веру, Надежду и Случай!

1969

ЧЕЛОВЕК

Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри
сомнений

Пробирается вдалеке человеческий гений:
Зажигает фонарь на вершине маячной,
По тростинке проходит над пропастью мрачной,

В тяжких недрах земли обливается потом,
На серебряных крышах стоит звездочётом,
Над морями на тихом летит монгольфьере,
Разбивается насмерть на личном примере.

Он на землю приходит то пылким Икаром,
То бесстрашным и добрым Алленом Бомбаром, —
Личным другом Надежды, врагом Заблужденья,
Чья рука равносильна руке провиденья, —

Фермопильским вождём, капитаном
«Кон-Тики»,
Человеком, бегущим на дальние крики...
Летописцем, исполненным вещего рвенья
Никого не забыть, кроме пугал забвенья.

В каждом веке он первый. Но в деле, в котором
Подозренье в корысти покажется вздором,
Где никем не могло бы тщеславие двигать,
Где гляди не гляди, а не выглядишь выгод:

Между койками ходит в чумном карантине,
Служит крошечным юнгою на бригаantine,
Над полями сражений, как в тягостной сказке,
Кружит ангелом с красным крестом на повязке...

И на крылья свои, с неизвестной минуты,
Надевает суровые тайные пути,
Чтобы в грусти своей и себе не признаться,
Чтобы в самом страданье своём — не зазнаться.

Ибо нет на земле и не будет деянья,
Чтобы стоило ангельского одеянья.

Ибо странно мечтать о блаженстве небесном,
Не ходив по земле пешеходом безвестным.

Сквозь туман заблуждений, сквозь дебри
сомнений

Пробирается вдалеке человеческий гений:
Зажигает фонарь на вершине маячной,
Чтоб горел его свет, как венец новобрачной.

И приходят титаны в раздумье глубоком,
И кончаются в муках, когда ненароком
Застревают, как стрелы, в их ноющем теле
Их конечные, их бесконечные цели.

Убегаем от чар, возвращаемся к чарам,
Расправляемся с ними — то зря, то недаром...
...Далека же ты в небе, звезда Идеала!
Но стремиться к тебе — это тоже немало.

≈ 1970

МЕЛАНХОЛИЯ

Богопротивная, дрянная вещь — тоска!
Три вида есть у ней, самим грехом творимых:
Тоска нипочему. Тоска из пустяка.
Тоска по случаю причин непоправимых.

Тройная эта блажь особенно близка
Нам, людям севера. В умах неутомимых
Мы сотни смастерим себе терзаний мнимых,
Пока судьба и впрямь не стиснет нам бока.

Вот так, из ничего, мы с важностью умеем
Чудовищу созидать! Гордясь душевным змеем
(Таким тропическим, когда кругом зима!),

Его мы пестуем. Но нет в нас мысли ясной,
Что здесь мы — не одни; что и к другим в дома
Нет-нет и заползёт наш баловень ужасный..

1970-е гг.

Их бархат усталый
В жаре изнемог...)

Вступая с такими словами на землю планеты,
За дело, тряхнув головами, берутся поэты:
Волшебной росой вдохновенья кропят мир
несчастный
И сердцам возвращают волненье, а лбам —
разум ясный.
А сколько работы ещё впереди!

Живыми сгорать,
От ран умирать,
Эпохи таскать на спинах,
Дрожа, заклинать моря в котловинах,
Небо подпирать!

(Лучами блистает
Роса на листе,
Спеша, прорастает
Зерно в борозде.)

Привет сочинителям славным,
чьи судьбы предивны!

Но колбасникам, тайным и явным,
поэты противны —
Что в чужие встречают печали, вопросы
решают...
«Ах, вопросы нам жить не мешали:
ответы — мешают!»

И скажут ребятам такие слова:

«Вы славу стяжали,
Вы небосвод
На слабых плечах держали,
Вы горы свернули,
В русло вернули
Волны грозных вод...»
Заржут непристойно
И скажут потом:
«Так вымойте стойло
За нашим скотом!»

Когда потеряют значенье слова и предметы,
На землю, для их обновления, приходят поэты,

Их тоска над разгадкою скверных, проклятых
вопросов —
Это каторжный труд суеверных старинных
матросов,
Спасających старую шхуну Земли.

≈ 1967

НЕ ТРОГАЙТЕ ЛИСИЦ!

Принц Чарльз охотился на лисицу, —
Смеётся, скачет, стреляет...
Не надо охотиться на лисицу,
Пускай лисица гуляет!

Свобода вышла на первопуток.
Но, взяв свободу... отстрела (!)
Свободы зайцев, свободы уток
Она не предусмотрела.

И как-то странно иные лица
Свободу употребляют.
Не надо охотиться на лисицу, —
Пускай лисица гуляет!

Скачут охотники по жнивью, —
Ловкости рады своей...

Но я охотников не люблю —
Я больше люблю зверей.

...Принц Чарльз упал и сломал ключицу.
Газета про это объявляет.

Не надо охотиться на лисицу,
Пускай лисица гуляет!

1999

САНЧО ПАНСА НА ОТДЫХЕ

В душе у Санчо память Дон Кихота —
Есмь трудная ответственная нота
Не то вины какой, не то просчёта...
И счастлив отдохнуть. И жаль чего-то.

И чудится ему в мечтах заглавных,
Что рыцаря от действий своенравных
Отгаскивал... другой наверно кто-то?
А он — разил титанов с ним *на равных!*
(А как же? Ведь работа есть работа)!

Крылатых мельниц нет — подраться не с кем!
И мех с вином старинным лопнул с треском...
А впрочем, мы не пьем и не деремся;
Покончено с деньков минувших блеском!
А жаль чего-то...

Испания обставлена горами
И уцелеет, — что картина в раме.
Но что́ — весь белый свет с его дарами —
Без Дон Кихота?!

Скажи, Послеобеденная Дрёма,
Куда летит под ветерком солома?
Кто стибрил наши сёдла из загона?
Куда ведет дорога сзади дома?
Не знаешь? То-то!

Октябрь, 2014

НЕОЖИДАННОСТЬ

И — снова ночь без сна! Чердак над потолком
Всё лето полон крыс! Бросающихся грозно
То в пляс, то в конский топ, то мчащих кувырком:
У них бурлящий писк и мерзко-виртуозно

Кудахчущая трель... Встаю, пока не поздно
И зной не сжёт росу. По травке колобком
Катался серый кот. Он не был мне знаком,
Но глянул так хитро́, так весело-серьёзно!

Полжизни позади, и дивам счёт потерян.
Но не встречала я — могу заверить вас —
Столь заговорщицких, волшебных-хитрых глаз!

Наслышан, зелен, храбр, добр, дик, самоуверен,
Мне взгляд кота сказал: «Я знаю тайный лаз
И тех... на чердаке... я извести намерен».

≈ 1977

ГАЛЧОНОК

Потеряла галчиха галчонка —
Колченожку, плюгашку, чернушку.
А подкинули галке скворчонка —
Прямоножку, милашку, пеструшку.

Стала плакать она и рыдати,
Стала грудью к земле припадати,
И слетелись на крик её птицы
И расселись по краю криницы.

— Что ты, глупая, плачешь, рыдаешь,
Что рыдаешь, к земле припадаешь?
Уж твоё ли дитя не резвушка,
Прямононжа, милашка, пеструшка?

— Не моё это чадо, а ваше,
А моё-то дитя было краше:

Мутно пёрышко, тускла макушка,
Колченожка, плюгашка, чернушка!

1969

БЫЛО ТИХО...

Было тихо, очень тихо, —
Ночь на всей земле.
Лишь будильник робко тикал
На моём столе.

Было тихо, очень тихо, —
Тихий, тихий час..
Лишь будильник робко тикал,
Мышь в углу скреблась.

Было тихо, очень тихо, —
Дрёма без забот..
Лишь будильник робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал,
Да мурлыкал кот.

Было тихо, очень тихо, —
Тихий час теней..
Лишь будильник робко тикал,
Мышь скреблась,
Сверчок пиликал,
Козлик мекал,
Кот мяукал,
Поросёнок дерзко хрюкал,
Бык ревел,
И две собаки
Дружно вторили во мраке
Ржанию коней.

≈ 1969

ДЕВОЧКА И ПЛАСТИЛИН

Я леплю из пластилина.
(Пластилин нежней, чем глина.)
Я леплю из пластилина
Кукол, клоунов, собак...

Если кукла выйдет плохо,
Назову её Дурёха.
Если клоун выйдет плохо,
Назову его Дурак.

Подошли ко мне два брата,
Подошли и говорят:
«Разве кукла виновата?
Разве клоун виноват?»

Ты их любишь маловато!
Ты их лепишь грубовато.

Ты сама же виновата,
А никто не виноват!»

Я леплю из пластилина,
А сама вздыхаю тяжело...
Я леплю из пластилина,
Приговариваю так:

— Если кукла выйдет плохо,
Назову её Бедняжка.
Если клоун выйдет плохо,
Назову его Бедняк.

≈ 1967

КАРТОФЕЛЬНЫЕ ОЛЕНИ

Картофелины лежали
В подвале до самой весны
И медленно прорастали
Ростками ужасной длины.

Ростки извивались, ветвились,
Как будто олени рога,
И эти рога появились,
Как будто при виде врага.

У самого мирного склада,
У склада для овощей,
Был вид разъярённого стада, —
И это в порядке вещей.

Наверное, бедной картошке
В кастрюлю не хочется лезть,

Иначе — зачем у картошки
Такие сердитые рожки?!
Вот именно! То-то и есть!

1960-е гг.

Бегу, привязанный незримо
Лучом восхода к небесам.

И замедляюсь только к ночи,
Когда туманится восток,
Когда становится короче
Луча ослабший поводок,

И тени — чёрные собаки —
Всё чаще дышат за спиной,
Всё удлиняются во мраке,
Всё шибче гонятся за мной...

И должен я остановиться,
И умереть в конце пути,
Чтобы наутро вновь родиться

И нараспев произнести:

Я зайчик солнечный, дрожащий,

Но не от страха я дрожу,

А потому, что я — спешащий:

Всегда навстречу вам спешу!

И если зимними ветрами

Тебя невзгоды обдадут,

Я появлюсь в оконной раме:

Я зайчик солнечный!

Я тут!

1960—1961

СОВРЕМЕННАЯ ЛОГИКА НА ПОЛНОМ СЕРЬЁЗЕ

Чтобы вновь развеселиться
Наконец могла и я,
За врагов моих... молиться
Обещали мне друзья!

Братцы! Если негодяи
И не стоят батогов, —
Что же вы так быстро взяли...
Сторону моих врагов?

И хоть я, — вы не сумлитесь! —
Благодарна вам весьма,
За *своих* врагов молитесь!
За *моих* — уж я сама.

1990-е гг.

ЗДРАВСТВУЙТЕ, ГОСПОДИН УЧИТЕЛЬ!

Кто нынче
В этом мире хрупком
Всех учит праведным поступкам?
Священник? Истинный поэт?
Актёр? Философ? Лекарь? Нет.
И не декан, и не старьёвщик,
А... НАТОВСКИЙ БОМБАРДИРОВЩИК!

Чего не повидали вроде?
Премногих подняли на свист...
Но вот вам — новое в природе:
Бомбардировщик — моралист!!!

1990-е гг.

ТРОЯНСКАЯ КОННИЦА

Уж не Троянский конь, но, трижды
окаянская,
Въезжает в город конница Троянская!

Разбулькался скорбей буржуйских чан
Среди эфирных волн. Какого ляда,
Зануды, вам от слушателей надо, —
Чтоб гнать слезу в их продранный кафтан?

О призванные сеять Просвещенье!
Зачем — на комфортабельном посту —
Вам стряпать пьески — только про смещенья
В органике? Про блуд? Про наркоту?

Вы думаете, сея фальшь и порно,
Что это никому не тошнотворно?

Где кончится ваш чёрный многотомник, —
Яд, сопли, плач богатых, злость, елей?

...Я выключаю радиоприёмник;
Без «развлечений» как-то веселей!

1990-е гг.

Россия

К России все подходят разно: кто робея,
Кто любопытствуя: мол, дескать, вот она,
Анекдотическая даль... Гиперборея!
Страна величественных вихрей! Царство сна.

Кто до себя поднять (простаки!) Россию хочет,
Кто, ей безбожно лстя, иронию таит.
Кто беды ей несёт (и сам же их пророчит!),
Кто покровительственно с нею говорит,

Кто — напрягая лоб, кто — в духе скверной
шутки,
Кто — как с пастушкой, нежно дующей
в свирель,
Кто — как с пророчицей, помешанной
в рассудке,
Кто — как с царицею, кто — как с работой своей...

К ней пожинать плоды снисходят Христа
ради,
Устроить «гений» свой, свой бизнес, петь,
порхать...
Но редкому придёт простая мысль... пахать
На земледельчества неслыханной громаде!
(Покличь сердешного, — его и не слышать!)

Так, стало быть, он гость? Тогда... какого сорта
Цель высмотрел пострел в столь бедственном
краю?
Послушай, это мысль! — Ты узнаешь Лефорта?
Нет. И его не узнаю.

Лефорт — Кот в сапогах, маркизу Карабасу
Несущий к Рождеству игрушек ярких массу.
Метуший, кланяясь, пером на шляпным пол...
А этот не привнёс, как говорит проверка,
В морозный зимний мрак ни искры фейерверка
И пёрышком в сенцах ни разу не подмёл.

Не внёс ведь ни-че-го!
Ни в избу — крошки ситной,
Ни новой чёрточки в Руси вид самобытный.

Так, может быть, хоть гнев? Быть может,
разъярясь
На нашу «нищету, невежественность, грязь»,
Хоть дверью хлопнул бы, и вспылчив
и не мирен,
Негодованием высоким трепеща?
Но... слитком золота изрядным оттопырен —
Как раз при выходе — был край его плаща!

Вот наши судьи кто!

Вот наши кто эзопы!

Их рвенье — в грязь втоптать Руси святые
тропы,

Её Историю навыворот прочесть,

С насмешкой приписать ей славу всей

Европы,

Чтоб тем ловчей отнять ту, что и вправду есть!

А есть немалая!

Свой — богатырский, детский,

Благочестивый жар, свой гений есть у ней!

Что толку ей лубок приписывать немецкий

И псевдоавторство над лавкой мелочей?

Прочь, лесьть безмерная!
Прочь, преувеличенье
Вещей, действительно имеющих значенье!
Льстец мало что лукав,
Льстец – нагл! За ним разбой и превышенье
прав.
Нагл баснословный царь, велевший море
высечь,
Но тот наглей, кто льстит волнам; кто
осмеять
Их тщится... И мудрит, стремясь
преувеличить
То, что и так нельзя объять.

1970-е гг.

НАРОД

И снова Русь изнемогла под ношей.
У новеньких историков, однако,
Бирон «хороший» и Гапон «хороший»,
Харон — «хороший»... Только русич — «бьяка».

Баюкает их помысел приятный,
Что русский от рожденья — «отщепенец»
И что ему заменой был бы знатной
Стиль а-ля рюс — узор для полотенец...

Метали камни в нас и комья грязи.
Куражился над нами каждый встречный.
За доброту нас часто водят за нос.

Но мы НАРОД. И ни в котором разе
Ни свергнуть, ни лишить нас жизни вечной,
Ни заменить, ни выдумать — нельзя нас.

1990-е гг.

РАНТЬЕ

Читая О. Генри, мы видим с тобой
Не только просторы да свод голубой;
Отважных ковбоев мы видим с тобой,
А с ними — хозяин... такой же ковбой!

В Техасе на ранчо работали все.
Включая рантье! Да по первой статье!
Однако у *нашего* сидня-рантье
Нет воли к работе. Есть воля к жратве.

Не станет он здесь подымать целину!
Не станет работать на «эту страну»!
За что ж получил он столь жирный надел?
За то, что надел — получить захотел.

За то, что медяк за него заплатил.
За то, что вращал колесо воротил.

За то, что рабочих — в рабов обратил.
За то, что быть русскими нам запретил.

Так враг же он нам! Кто придумал — врагу
Сдавать наши земли? — понять не могу!
Так враг же он нам! — Ну и что? Испокон
Желанье врага для России — закон.

Желанье врага для России — закон,
Да только не русскими выдуман он.

...То вилла, то замо́к, то корт и шале...
Ужель «я иду не по нашей земле»?
Знакомой тропинкой хотела пройтись,
Но слышится крик: «Вы откуда взялись?!
По нашим владеньям не смейте ходить;
Мы можем овчарок на вас напустить!»

1990-е гг.

ПОЧТИ ГЛАГОЛЬНЫЙ СОНЕТ

Сегодня каждый знает, как нам жить;
Где — доблесть веет, где — разбой гнездится,
Что будет, если всех вооружить,
И *кто* стрелялкой *как* распорядится;

Кто выбьет кольт у хищника из рук
(Ведь надобно ж за слабого вступиться!),
А кто — «сто лет мечтал» за слабых биться —
И слабым — от себя добавит вдруг...

Я, например, не знаю, что к чему.
Но знаю, что бузить не перестанут;
Что, — дай нам шанс, — в пороховом дыму
Последние остатки смысла — канут;

Что браунингов уж не хватит тут,
И гаубицы нам подволокут...

До 2011

СВОБОДОЛЮБЦЫ-ЗАПРЕТИТЕЛИ

Для виду
Нападая на запреты,
Но тут же запрещаая то портреты,
То книги, то плакаты, то газеты,
То «Жития святых», то минареты,
 Клеймя «тирана» с трубкой и усами, —
 Вы первые тиранствуете сами;
 На пробующих робко спорить с вами —
 Бросаетесь клопочущими псами!

Но... топая ногой, но лбом тараня,
Ассаргадонствуя и тамерланя,
Желая подчинить себе Россию,
Не напроситесь на тиранию,
 Вам встречную! Настроенную грозно!
 Уймитесь же, эй, вы! — пока не поздно.

До 2010

ДАТЫ

Сброд

(Вопреки истории самб́й)

Одну лишь дату жалует на свете:

«Тридцать седьмой!

Тридцать седьмой!

Тридцать седьмой!»

...А почему не девяносто третий?

2011

ВСЕ ВОЙНЫ — ЭТО ВОЙНЫ ЗА ПРОСТРАНСТВО...

Все войны — это войны

за пространство.

Мороз бывает лютым чересчур,

Но ханство не затем идёт на ханство,

Чтоб захватить побольше тёплых шкур;

Все войны — это войны

за ПРОСТРАНСТВО.

Вот хворость, от которой нет микстур.

Разбойник зрит сокровище — в комплекте
С пространствами, способными прельстить;

Зачем стяжать и грабить, коли негде

Награбленное будет разместить?

Тот бедствует, а тот — живёт богато,

Ан — места и ему недостаёт.

Но не дари ему под виллу плато;

Общенародны клёны, дуб и мята...
Знай: лишь дурак пространства раздаёт!

Когда наглец тайгу соседям дарит,
Мы праведного ждём кого-нибудь,
Кто по когтям предателя ударит!..
(Эх! Мы-то безоружны! Вот в чём суть!)
Но Завтайгой — за вклад его тяжёлый —
Не обзывай «слугою двух господ»:
Он служит одному. Зато — чужому.

(Дать орден за Дальстрою остов голый?
Дашь Крест, — а он своих на нём распнёт!)

Все войны — это войны за пространство.
Вор хочет войн. Он ищет как-нибудь
С Китаем нашу Родину столкнуть:
Мол, я-то — что! Но русское тиранство
Препятствует раздаче Гор и Вод,
Влиянья, Расстоянья и Продукта.

Безумен — у него на поводу кто!
И лишь дурак — пространство отдаёт!

За что б ни отдал (за гроши? За ласку?)
Кому б ни продал (Ироду? Куме?), —
Лишь слабоумный мог отдать Аляску!
(Хоть наша речь не только об уме.)

Не слишком чист — кто хвалит супостата.

Не слишком здрав — кто редко слёзы льёт.

Не слишком мудр — кто расточает золото.

Но ЛИШЬ ДУРАК пространство раздаёт!

Разные годы

* * *

Странно! Неужто какие-то хваты
Мир проиграют в лото?
По Достоевскому – ВСЕ виноваты,
А по Толстому – НИКТО.

Нам же сдаётся (столпы дорогие,
Классика, не обессудь!),
Что виноваты одни. А другие –
Не виноваты ничуть.

Разные годы

«БУДЬТЕ КАК ДЕТИ»

Нам завещал Спаситель «быть как дети»,
Одно с тех пор нам удалось на свете:
От образца отделаться; добиться,
Чтоб... сами дети — не были «как дети»!

1990-е гг.

ПОПУГАЙ

По клетке, шкафами задвинутой,
Где книги в пыли вековой,
Взъерошенный, всеми покинутый,
Он бегаёт вниз головой.

Чудак с потускневшими перьями!
Чудит, а под веками — грусть.
Язык истреблённого племени
Он знает почти наизусть.

Язык, за которым учёные
Спускаются в недра веков,
Где спят города, занесённые
Золой раскалённых песков...

Язык, что плетьюми виноградными
Петляет по плитам гробниц

И хвостиками непонятными
Виляет с разбитых таблиц.

Прекрасный язык — но забылся он,
Забылся, навеки уснув.
Огромный — но весь поместился он,
Как семечко, в маленький клюв.

Привык попугай разбазаривать
Бесценную ношу в тоске,
С собою самим разговаривать
На умершем языке,

В кольце кувыркаться стремительно,
Вниманья не видя ни в ком,
И сверху глядеть
Снисходительно,
Когда назовут дураком.

1960

ЧТО ЕСТЬ ГРЕХ

Перед неграмотным блеск знаний обнаружить —
Вот грех! Божиться грех. Но грех божбу и слушать.
Грех клясться клятвою! (Особенно тогда,
Когда заранее решил её нарушить!)

1990-е гг.

СОВЕРШЕНСТВО

Боюсь совершенства, боюсь мастерства,
Своей же вершины боюсь безотчётно;
Там снег, там уже замерзают слова
И снова в долины сошли бы охотно.

Гнетёт меня ровный томительный свет
Того поэтического Арарата,
Откуда и кверху пути уже нет,
И вниз уже больше не будет возврата.

Но мне в утешенье сказали вчера,
Что нет на земле совершенства. И что же?
Мне надо бы радостно крикнуть: «Ура!» —
А я сокрушенно подумала: «Боже!»

≈ 1960

* * *

Набрела на правильную строчку
(Как бывало иногда),
Но дала ей — в записи — отсрочку
И — опять забыла! Не беда:

Может статья, в странах неоткрытых
Всё равно найдётся место ей
Где-то там — среди людей забытых,
Дел забытых и забытых дней.

1990-е гг.

СТАРИННОЕ СЛОВО

Поэт и слава — нет опасней сплава.
Не в пользу лбам название чела.
И часто, часто — чуть приходит слава —
Уходит то, за что она пришла.

Жужжит и жалит слава, как пчела:
С ней сладкий мёд, с ней — горькая отрава,
Но яд целебный лучше выпить, право,
Чем сахарного вылепить осла!

И слово-то какое! Аллилуйя,
Осанна... И кому? Себе самим?
Как будто пятку идола целую!
(Не чьим-то ртом, а собственным своим!)

Не славлю даже славного. А то ведь —
Устану славить — стану славословить.

1960-е гг.

ШЕКСПИР И ШАКСПЕР

I

Стратфордский двойник

Шекспир и Шакспер. Это ж два лица!
Два тезки! Два почти-однофамильца!
А кто-то, между ними всунув рыльце,
Перемешал их судьбы до конца.

Покуда Шакспер в стратфордских судах
Судился из-за солода в галлонах, —
Шекспир блистал в театрах и салонах,
Быть может, Лондона не покидав.

Уходит Шакспер, завещая детям
Дом. А жене — «вторую койку». Но
Шекспир здоров. (Ведь только в двадцать третьем
Друзьям — его оплакать суждено!)

— А что так странен бюст и стих надгробный?
— Злых пращуров спроси, потомок злобный!

1990-е годы

II

Свидетельство Бена Джонсона

Бен Джонсон (помните?) лишь только
в двадцать третьем
С великим Лебедем простился. Сбился в счете?
Неужто Лебеда отлет чудак заметил..
Лишь через девять лет — по Лебеда отлёте?!

О! *Современникам* видней — когда азарта
Стихов божественных раскат остановился;
Ведь в двадцать третьем-то и *фолио* явился,
(Быть может, странный еще при жизни барда).

Кто ж так перемешал и так запутал строки?
Не тот ли, — благостный, но к Мастеру
жестокий
Отряд колбасников (которому едино —
Существовал ли он на свете — вообще-то)?

Не тот ли, кто саму бессмертие Поэта
Задуть надеялся, как лампу Аладдина?

2014

«Пойду ль, выйду ль я...»

От многоведа я узнала вдруг,
Что в мире всё так и должно быть: мелко!
И что Шекспир — подделка, ловкий трюк!
А почему не ты, а он — подделка?

Не отсылай к «источникам», отнюдь
Не самым чистым! Можешь не стараться:
Пойду ль я, выйду ль я в далёкий путь,
Чтобы вранья старинного набраться?

К чему искать мне этот вид добра
В глуши веков? За милей милю мерять?
Когда я лжи, придуманной вчера,
Имею все возможности поверить?

Слыхав, как люди прямо с места врут,
За ложью вдаль пускаться — лишний труд!

1994

ЕЛИЗАВЕТА И ШЕКСПИР

Когда починут, грешный мир отринув,
Монархи, вознесённые судьбой,
Нам остаются кости властелинов:
Бездушный прах, такой же, как любой.

Покуда мир становится товаром
Других купцов, какие понаглей,
Благодаря — фактически! — фиглярам
Мы (если помним) — помним королей.

По милости бродячего актёра
О давнем веке столько разговора,
Что в тьме времён теперь светло, как днём!

Клянусь Шекспиром и Елизаветой:
Не он писал при королеве этой,
А королева правила — при нём.

1964

ТОТ ВЕК...

Тот век, по нашему суждению,
Красно-зелёной был морковью:
Ботва взлетала к Возрожденью,
А корень пёр к Средневековью,

Страшась расстаться с ним; оставить
В нём то, что многим кайф сулило...
Средневековье никогда ведь
И никуда не уходило!

Покуда Подвиг, Труд, Веселье
Земной поверхностью владели,
Оно сползало в подземелья,
На срок (примерно в полнедели).

И, зацепив петлём за шпору,
Прохожих втаскивало в нору...

1993

Но... ТАК ЛИ МАЛА ЭТА РОЛЬ?

Человек, подлец, ко всему привыкает..

Фёдор Достоевский

«Я потерял в один и тот же час
И жизнь, и королеву, и венец!»
Сказать одну такую фразу враз
Уже огромно! Изнутри коленц

Космических восходит эта Роль,
Могущественней делаясь втройне,
Когда прошепчет призрачный Король:
«Прощай, прощай и помни обо мне!»

Кто ж помнит голос чести? Дружит с ним?
Кто совести гражданской слышит зов?

Как видно, слух наш — не для голосов,
Раз мы считаем страшное — смешным!

Раз мы согласны, чтобы мир забыл
О призраках, встающих из могил!

1994

ХАОС

Злом чаша преисполнилась. Полно
Обманутых и требующих мщенья.
Не казнено, однако ж, казино.
И Дом Веселья вновь обрёл прощенье.

И слабое, как шелест, козье «но!»
Расправам над козлами отпущенья —
Под грохот лжи, под рёв обогащенья
Общественность не слышит всё равно.

Звон чистогана густ и неусыпен.
Весь путь во ад банкнотами усыпан
И, может быть, уже необратим.

И лыбится, и радуется часто
Сбывающимся снам Екклезиаста —
Друг пламени и серы побратим.

1990-е гг.

ЭТАПЫ ГЛУПОСТИ

Ум — домосед. А дурь живёт на воле.
Свирепствующий в глупой голове
Известный ветер — ищет ветра в поле;
Два ветра сшиблись; дури стало две.

Три, тридцать, сто... Дурь молится молве,
Резва, приспособляема; ни боли,
Ни крови в ней. (Так, от укуса моли
Ведь не проступит кровь на рукаве!)

Но только тот вполне вкусил блаженства,
Причудливой фортуною храним,
Кто дурь свою довёл до совершенства,
Большим образованием своим:

Болван, чья ограниченность гранилась,
Как бриллиант, как тонкость и ранимость!

1960-е гг.

ГАДАНИЕ ПО ПОЧЕРКАМ

Судить по почерку чужую сущность либо
Считать, что лупится (попался?!) автор букв —
Из каждой запятой, малейшего изгиба, —
Достойно не людей, а выполотых брюкв!

Кто пишет криво — «плут»! Кто тонко — «слаб,
не глыба»,
А кто с нажимом — тот «решителен и груб»!
А вдруг был шаток стол? Толст карандаш?
А вдруг
Перо царапалось едва — и то спасибо?

А как на эти вот каракули мои
Взглянули б ведуны и почеркисты? «Вот-с вам!
Маразм, объединясь отважно с идиотством,
Водил её рукой» — вскричали бы они.

Узнайте ж — я скажу и гляну королевой —
Кто правую сломал, тот просто пишет левой.

1990-е гг.

МНЕ КАЖЕТСЯ...

Мне кажется порой, что умерли стихии —
Такие, как Земля, Огонь, Вода и Воздух.
А заменили их... какие-то другие —
Из приготовленных на незаконных звёздах;

Что до сих пор трава, наш друг многовековой,
Напрасной зеленью сияла перед нами;
Что кто-то изобрёл закон природы новый,
Повелевающий расти ей — вверх корнями!

Что в джунгли отпустил шарманщик обезьянку,
Но джунглей больше нет; их царственное платье
Сорвали, вывернули, с криком, наизнанку!
Мне кажется, о них — век буду горевать я,

И плакать буду я — счастливым на потеху —
По истинным слезам и подлинному смеху.

1960-е гг.

КОРОЛЬ ПЕПЛА

Два лагеря в различии глубоком,
Два разных мира, мы в одном равны:
Мы все под бомбой ходим,
Как под Богом,
Все.
Вплоть до поджигателей войны.

Как лошадей ковбой техасский гонит,
Вооруженье с присвистом гоня,
Вы мните, сэр, что вас война не тронет?
Не опрокинет вашего коня?
Ну, хорошо!
Допустим для примера,
Что нежит вас улыбка револьвера,
Взаимность бомбы, добродушие мин,
Что взрыв не враг вам,
Ибо вам же — сын.

Допустим, поджигатель нескораем, —
Твердь треснула от жара, но не он.
И вот картина:
Мир необитаем,
А в центре мира — вы —
Увы!
Громадного масштаба Робинзон.
О, с оговоркой!
Пáруса не ждёте,
И Пятницы для вас потерян след
(Что, впрочем, применимо и к субботе,
И к воскресенью; нет ни дней, ни лет, —
«Смешались времена», как пел поэт).

Что станете вы делать в мире этом?
Чем торговать-то?
Че-ем?
Небытиём?
Бессмертьем?
Пеплом?
Но каким предметом
Мы тот же пепел с вами соберём?
Опять допустим:

Вы свершили чудо —
Нашли совочек.
Подцепив товар,
Несёте.
Но зачем? Куда? Откуда?
Кто это купит?
Чем заплатит вам?
Все рынки, сэр,
Все ярмарки,
Базары,
Торговцы,
Покупатели,
Товары,
Банк,
Биржа —
Всё
У вас в одной руке, —
В одном совке.
Так что же вам ещё?!
Монархи жирной нефти,
Цари угля —
Всё призрак,
Всё мираж...
Торгуйте же!

Не бойтесь конкуренции!
Весь уголь — ваш,
Весь дым, весь пепел — ваш!

1959

* * *

На дне морском, на цветастом дне
(Где все друг друга едят),
Лицом повёрнутый не ко мне —
Цветёт невиданный сад.

Там есть размытые Города,
И захлебнувшийся Путь,
И кто-то целит — меня туда
С бегущей шхуны столкнуть.

«Пора, — подсказывает, — пора
Тебе к подводным пескам...»
Но я (по-своему тоже хитра), —
Я думаю: «Прыгай сам!»

От дружеской ласки — аж холод в крови.
Участливый, как НЛО,

Он шепчет: «Луну в отраженьях лови!»
(А солнце ещё не зашло!)

На дне, на илистом дне морском
Извилистый лес цветёт.
Но ждёт меня сухопутный дом,
Земная работа ждёт.

Не надо скользить
И морского коня
Водить в поводу за мной;
Никто не сделает за меня
Моей работы земной.

1990-е гг.

СЛЕДЫ

Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы...
Над плоскодонною пропастью
Эхо, как пушечный дым.

Видно, прошёл тут — и шёпотом
Песню пропел пилигрим;
Долго стреляющим хохотом
Горы смеялись над ним.

Вижу, как ночь приближается
Высохшим руслом реки...
Но всё равно продолжается
Песня, словам вопреки.

— Где это море? — вы спросите, —
Где этот пляшущий риф?

Где — без морщинки, без проседи —
Юный зелёный залив?

Где эти заросли тесные
В лунной бессонной пылице?
Звери да птицы чудесные?
Люди — с огнём на лице?

Гибкие пальцы упрямые,
Чаши? Цепочки с резьбой?
Эхо, не путай слова мои, —
Я говорю не с тобой!

...Ночь напечатала прописью
Чьи-то на глине следы...
Над плоскодонною пропастью
Эхо, как пушечный дым.

1960-е гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Пожарный	5
Река	7
Вы думали... ..	9
Ветер	10
Девушка из харчевни	13
«Всё сказано на свете...»	16
Окраина	21
Ах, как долго едем!	24
Кораблик	26
Мы слышали слух	28
Альпинисты	30
«В тиши весенней...»	33
Фокусник	35
Мой караван	37
Цыганка	40
Старинный бродяга	43
«...Нам хочется чудес...»	45

Иней	47
Лозы в гневе	49
«Кто в романтику жизни не верит...»	50
Если он настоящий... ..	51
«Когда Вселенная открывает нам добровольно...»	52
Познание	53
I Страх познания	53
II Как это сделано?	54
Внутри зимы	56
Ошибки зависти	57
«Что значит “мещанин” – как следует не ясно...»	59
«У старца немощного корку последнюю изо рта...»	60
«Кто умён – не хитёр. Кто хитёр – не умён...»	61
«Скупой берёт за всё: за чувство раздраженья...»	62
Трепетные пни	63
«Определенья поэзии нет...»	64
Поэт	66
«Поэзия должна быть глуповата...»	67

Переводчик	68
Обратное превращение	70
Уют	71
Трюизмы	73
Свободу Манолису Глезосу	75
«Вокруг деревьев и домов...»	77
Эдгар По	80
О. Генри	81
В свою пользу дурак	82
«В поэтах числиться и никогда заборным...» ..	84
«Мы только женщины — и, так сказать, “увы!” ...»	86
Соломинка	87
Конец авантюризма	88
1. Сумерки грехов	88
2. Крах авантюризма	89
Мечта о недруге	91
Подземелья	93
Душа вещей	94
«Не пиши, не пиши, не печатай...»	95
Гедонизм	97
«Дышат снегом на флоксах росинки...»	98
Человек	100

Меланхолия	103
Поэты	105
Не трогайте лисиц!	109
Санчо Панса на отдыхе	111
Неожиданность	113
Галчонок	114
Было тихо...	116
Девочка и пластилин	118
Картофельные олени	120
Солнечный зайчик	122
Современная логика на полном серьёзе	124
Здравствуйте, господин учитель!	125
Троянская конница	126
Россия	128
Народ	132
Кто вам сказал?	133
Рантье	134
Почти глагольный сонет	136
Свободолюбцы-запретители	137
Даты	138
Все войны – это войны за пространство...	139
«Странно! Неужто какие-то хвататы...»	142
«Будьте как дети»	143

Попугай	144
Что есть грех	146
Совершенство	147
«Набрела на правильную строчку...»	148
Старинное слово	149
Шекспир и Шакспер	150
I Стратфордский двойник	150
II Свидетельство Бена Джонсона	151
«Пойду ль, выйду ль я...»	153
Елизавета и Шекспир	154
Тот век... ..	155
Но... так ли мала эта роль?	156
Хаос	158
Этапы глупости	159
Гаданье по почеркам	160
Мне кажется... ..	162
Король пепла	163
«На дне морском, на цветастом дне...»	167
Следы	169

Литературно-художественное издание

МАТВЕЕВА НОВЕЛЛА НИКОЛАЕВНА

МОЙ КАРАВАН

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

Художественное оформление: *А. П. Зарубин*

Корректоры *О. В. Круподер, В. А. Нэй*

Подписано в печать 15.06.2015 г.

Формат 70×100/32. Печ. л. 5,5. Тираж 1000 экз.

Заказ № 543.

ООО «Издательство «Этерна»

115444, г. Москва, Кантемировская ул., д. 59а

Тел./факс (495) 755-81-23

E-mail: info@eterna-izdat.ru

www.eterna-izdat.ru

Отпечатано в ОАО «Областная типография «Печатный двор».

432049, г. Ульяновск, ул. Пушкирева, 27.

Есть добрый путешественник: его рукопожатье
Надежней, чем гербовая печать.
Все страны - сестры для него и все народы - братья:
Он хочет всех увидеть, все узнать...

Быть может, где-нибудь ему за это руки свяжут,
Как драчуну в угаре кабака,
А он на помощь позовет и о себе расскажет,
И все о нем узнают... А пока -

Есть путешественник: не я, не ты, не тот, не этот,
А некто, чей блокнот не оглашен.
Бесчисленные первые за ним идут и едут,
Не ведая, что первый - это он.

Новелла Матвеева

Из стихотворения «Есть путешественник», 1960

 ЭТЕРНА

